

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Коммуникативный инструментарий современного феминистского киберактивизма: к постановке проблемы

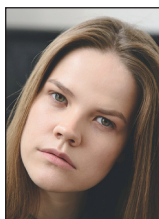
Communicative Tools in Modern Feminist Cyberactivism: Statement of the Problem

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-72-77

Получено: 21 апреля 2022 г. / Одобрено: 03 мая 2022 г. / Опубликовано: 25 июня 2022 г.

Н.А. Боженкова

Д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания,
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина,
Orcid 0000-0002-2381-5865,
ResearcherID L-6652-2017,
Москва, Россия,
e-mail: natalyach@mail.ru

А.А. Негушина

Аспирант,
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина,
Orcid 0000-0003-4540-3930,
Москва, Россия,
e-mail: sash.negusha@gmail.com

N.A. Bozhenkova

Grand Ph.D., Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of Departments of General and Russian
Linguistics,
Pushkin State Russian Language Institute,
Orcid 0000-0002-2381-5865,
ResearcherID L-6652-2017,
Moscow, Russia,
e-mail: natalyach@mail.ru

A.A. Negushina

Postgraduate Student,
Pushkin State Russian Language Institute,
Orcid 0000-0003-4540-3930,
Moscow, Russia,
e-mail: sash.negusha@gmail.com

Аннотация

Современный российский фем-дискурс, будучи мало описанной областью коммуникативного взаимодействия, оказывается сегодня одним из важнейших факторов формирования аксиологических детерминант российского общества. В этой связи в статье представлен анализ новых форм социолингвокультурных интеракций — фем-киберактивизма, транслирующегося в сетевой среде для ведения политической деятельности и представляющего сегодня значительную часть контента. В фокусе внимания авторов — описание лингвоспецифических черт различных по семиотической организации текстовых единиц (онлайн-флешмонов, информационных карточек, пабликов/блогов российских фем-активисток), демонстрирующих идеологические воззрения фем-движения. Особое внимание отводится характеристике способов вербальной экспликации проблемного поля фем-киберактивизма (в первую очередь установления индекса гендерного неравенства в России) и выявлению базисных семасиологических механизмов «видоизменения» прагматических параметров русскоязычной фем-блогосферы. Развивая «под определенным углом» смыслообразующий компонент фем-дискурса, представляющего собой критическую рефлексию женской субъектности, фем-киберактивизм демонстрирует высокую степень вовлеченности гражданского сообщества в политические процессы, поскольку сущностно нацелен на реализацию не столько информационной, сколько воздействующей функции (вызвать у реципиента желаемый эмоциональный отклик и добиться потребности поделиться актуализированной позицией). Представляется, что детальное (в последующем) рассмотрение феномена фем-киберактивизма, являющегося как основным путем расширения фем-сообщества в России, так и его конституирующим признаком, может дать ответ на многие вопросы социального и — шире — цивилизационного устройства российского общества.

Ключевые слова: киберактивизм, социальные сети, феминистский дискурс, коммуникативные практики.

Abstract

Modern Russian feminist discourse, being a poorly described area of communicative interaction, turns out to be one of the most important factors in the formation of the axiological determinants of Russian society today. In this regard, the article presents an analysis of new forms of social and linguocultural interactions — feminist cyberactivism, broadcast in the network environment for political activities and representing a significant part of today's online content. The authors focus on the description of specific linguistic features of different semiotic text units (online flashmob, information cards and communities/blogs of Russian fem-activists), demonstrating the ideological views of the feminist movement. Particular attention is paid to the methods of verbal explication of the problematic field of feminist cyberactivism (primarily, the definition of gender inequality index in Russia) and identification of the basic semasiological mechanisms for the "modification" of pragmatic parameters of the Russian-speaking feminist blogosphere. By developing the sense-forming component of feminist discourse, which is a critical reflection of female subjectivity, "from a certain angle", feminist cyberactivism demonstrates a high degree of involvement of the civil society in political processes, since it is essentially aimed at implementing not an informational, but rather an influence function (to evoke the desired emotional response in the recipient and to urge the need to share an updated position). The authors assume that a (subsequently) detailed consideration of the phenomenon of feminist cyberactivism, which is both the main means for the expansion of the fem-community in Russia and its constitutive feature, can answer many questions of the social and, more broadly, civilizational structure of Russian society.

Keywords: cyberactivism, social media, feminist discourse, communication practices.

Введение

Глобальная цифровизация коммуникативного пространства, детерминированная многочисленными технологическими, геополитическими и социо-

культурными факторами, а также инструменты, которые она предлагает, существенно трансформируют современные практики гражданской активности: с одной стороны, сетевые инструменты значительно

упрощают поиск и обмен информацией, что позволяет мгновенно мобилизовать гораздо большее число участников, чем это возможно при традиционных формах активизма¹ [4]; с другой же — разнообразие сетевых площадок дает возможность высказать свою позицию тем группам, которые ранее такой возможности не имели². Соответственно, сегодня можно говорить о некоей новой форме социальной активности, именуемой *киберактивизмом*.

Конституирование и категоризация феномена киберактивизма пока находится в стадии становления, однако общим пунктом в описании его сущностных признаков является факт использования цифровых коммуникаций с целью осуществления политических действий — распространения информации и трансляции своих политических взглядов. Отметим, что Интернет-площадки рассматриваются и как средство усиления офлайн-акций (например, путем привлечения новых участников), и как пространство для самостоятельных форм активизма — онлайн-петиций, флешмобов и пр.

В этой связи наиболее продуктивными «средами» интернет-активизма, на наш взгляд, оказываются социальные сети, так как они, в отличие от специализированных сайтов и электронных СМИ, предлагают разнообразные формы реализации деятельности: один ресурс (сервис) может представлять собой одновременно площадку для размещения медиаконтента, обмена контактами, ведения авторских заметок и коллективного обсуждения³, при этом в аспекте политической проблематики последнее оказывается особенно актуальным, поскольку означает мгновенную групповую социальную реакцию на повестку. Важен и тот факт, что социальные сети демонстрируют наименьшую чувствительность к цензурованию (не в последнюю очередь из-за постоянного увеличения их количества), что делает их подходящим местом для лоббирования самого широкого круга идей.

Впрочем, названные особенности социальных сетей могут иметь обратный эффект: большое количество участников неизбежно приводит к сложности администрирования, а плюрализм идей — к маргинализации активистских практик и их постепенной деполитизации [10]. Кроме того, разные группы граждан имеют в социальных сетях непропорциональную репрезентацию: на доступность коммуникационных технологий влияет множество различных факторов (от возраста до географического положения) [6, с. 162–163].

Так или иначе, можно утверждать, что развитие киберактивизма оказало значительное влияние на актуализацию идей феминизма в российском коммуникативном пространстве⁴ и, как следствие, привело к появлению новых дискурсивных практик фем-движения, локализованных преимущественно в сети⁵.

Обзор литературы

Несмотря на свою «научную молодость», киберактивизм как социальное явление стал объектом описания значительного числа работ: фундаментальные труды в этой области принадлежат как зарубежным (см., например [14; 15; 17]), так и отечественным авторам (см., например [2; 6–8; 10]), причем степень значимости сетевой формы политического участия оценивается исследователями неоднозначно. Ранние публикации, посвященные интернет-активизму, критически оценивают идею мобилизации политических сил в онлайн-среде (не случайно в 90-х гг. XX в. даже появляется термин «слактивизм», или «кликтивизм» — иллюзия активного политического действия в сети Интернет) [9; 11]. В других исследованиях, напротив, подчеркивается, что интернет-коммуникации обладают большим потенциалом вовлечения в политическую деятельность самых разнообразных групп граждан [2; 7; 8]. В настоящее время мало кто сомневается, что сетевые формы политического активизма существенно отличаются от традиционных, играют значительную роль в политическом взаимодействии власти и общества.

Особое место в ряду названных работ занимают публикации, посвященные феминистскому киберактивизму. Главной отличительной чертой подобных исследований является их *интерсекциональность*: обычно авторы фокусируются на конкретных формах угнетения [15; 16] либо рассматривают особенности активизма в рамках определенного региона [13; 18]. Это связано, во-первых, со спецификой феминизма «четвертой волны», критика которого направлена против существующей социальной стратификации, во-вторых, с феминистской ревизией, которой в настоящее время подвергаются научные изыскания.

⁴ Отметим, что женское движение в России начало складываться еще в середине XIX в., а в 1970-е гг. феминизм совершил новый качественный скачок в развитии. Однако широкое осмысление многих вопросов фем-повестки стало возможным только в последние десятилетия: несмотря на тот факт, что *открытость интернет-пространства* позволяет транслировать идеи феминизма, в результате чего фем-движение переживает новый рассвет (хотя, бесспорно, в сознании большинства россиян феминизм является чуждым русской культуре и, как результат, публичные дискурсы тяготеют к патриархальным ценностям).

⁵ Для русскоязычного поля явление киберактивизма стало неким «триггером», поскольку к началу «третьей», а затем и «четвертой волны» в России не сложилось единой системы феминистских организаций, акции которых носили бы массовый характер.

¹ Так, интернет-технологии существенно оптимизируют сбор средств на проведение политических кампаний и поддержку фондов и других НКО.

² Речь идет в первую очередь о небинарных группах [11].

³ К таким относятся, например, VK, Telegram, Lifejournal, Reddit и др.

Кроме того, интерес ученых нередко вызывают конкретные акции: например, существует целый ряд западных исследований, посвященных движению #MeToo и связанных с ним хэштег-кампаний [14; 17]. Аналогичная тенденция наблюдается и в отечественной науке: так, Е.А. Каверина и Э. Декич характеризуют масштабные фем-кампании, в том числе с участием медийных лиц и брендов, которые они представляют [5], а Т.В. Дубровская уделяет внимание жанровым характеристикам онлайн-петиций [3]. Важность исследований подобного рода обусловлена возможностью не только проследить общие тенденции развития форм политического участия в сетевой коммуникации, но и рассмотреть частные случаи их применения — продвижение идей феминизма в определенном лингвокультурном универсуме.

Дискуссия

Основной технологией современного феминистского киберактивизма является проблематизация тех аспектов жизни женщин, которые обычно не эксплицируются в публичном пространстве. К ним относятся, например, женское социальное благополучие (разрыв в оплате труда, женская бедность, «вторая смена» и пр.), личная безопасность и неприкосновенность, влияние гендерных стереотипов. Все эти проблемы напрямую отражаются на общественной рефлексии женской идентичности: «маскулинность» многих социальных институтов не просто ограничивает женщин в базовых правах, но ставит их в такие рамки, в которых этот паттерн закрепляется, подкрепляется, «нормализуется» и транслируется последующими поколениями женщин, тогда как фем-киберактивизм в социальных сетях помогает прервать цепь дискриминационных практик — вербализация проблемы, информирование масс и призыв к различным легитимным политическим действиям становятся (нередко единственным) инструментарием аксиологической «переакцентуации» общества.

«Общим местом» фем-повестки (и в аспекте частотности ее актуализации, и в аспекте лингвопрагматических форм и способов реализации) является, безусловно, тема *гендерных стереотипов*¹. Согласно феминистской теории, источником обозначенных проблем является патриархальная система — структура власти, которая сложилась в обществе и пронизывает все его уровни, институциональные и межличностные. Патриархальная власть связана с дис-

криминацией по признаку пола, а гендерные стереотипы, в свою очередь, способствуют ее закреплению в обществе. Представление о женщине как заведомо слабой, подчиняющейся значимому мужчине, прочно встроено не только в бытовую сферу, но и в систему общественных институтов, поэтому ликвидация стереотипов требует политического участия.

Одним из инструментов противостояния стереотипам является *флешмоб* — спланированное массовое событие, которое подобно многим формам киберактивизма было перенесено в виртуальное пространство из внесетевой среды. В социальных сетях флешмобы обычно распространяются с помощью хэштегов: это обеспечивает быструю навигацию между постами, особенно когда они теряют свою релевантность из-за временного фактора.

Механизм запуска онлайн-флешмоба требует выступления с позиции коммуникативного лидерства: как правило, хэштег предлагается конкретной фем-активисткой, которая оперативно откликается на информационно-политический повод и инициирует соответствующее действие. Так, флешмоб *#яфеминистка* (https://twitter.com/veritas_z/status/1494296402008150019?s=20&t=RULxSgkxpaKDrxvKQdp-4w) был запущен активисткой Залиной Маршенкуловой как реакция на инициативу Совета Федерации включить радикальный феминизм в перечень противоправного контента. В ответ на заявление сенатора М.Н. Павловой, что феминизм разрушает традиционные ценности и роль женщины в семье, З. Маршенкулова предложила размещать в социальных сетях семейные фотографии с соответствующим хэштегом². Названная акция направлена на достижение нескольких целей: с одной стороны, она помогает развенчать стереотип, что все фем-активистки против замужества и родительства, с другой стороны, «доносит» идею, что профем-позиция, основанная на равноправии, укрепляет семейные отношения. Одновременно флешмоб *#яфеминистка* призван устранить непонимание консервативно настроенных слоев общества, что на самом деле представляет из себя радикальный феминизм, чем он отличается от других направлений движения и какие политические цели преследует.

Отметим, что данный хэштег имеет многоплановую интерпретацию: заявление о принадлежности к общественно-политическому движению может выражать речевую интенцию утверждения и (или) признания, а формулировка в первом лице вызывает эмпатию и мотивирует заявить о себе и присоединиться к флешмобу.

¹ Материалом исследования послужили основные сетевые жанры — онлайн-флешмоб, информационные карточки и паблики / блоги российских фем-активисток (см.: <https://vk.com/wrongfem>; https://t.me/feminism_visually_official; <https://t.me/nikonovaonline2>; https://t.me/feminizm_power).

² См., например: https://twitter.com/Kseniia_fem/status/1494293474128146438?s=20&t=RULxSgkxpaKDrxvKQdp-4w; https://twitter.com/cheburash_/status/1494348683860656132?s=20&t=RULxSgkxpaKDrxvKQdp-4w

Другой показательный пример — флешмоб *#местоженщиныезде* (<https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/mesto-zhenshchiny-vezde-ekaterina-popova-ozhenshchinah-v-muzhskih-professiyah/>), основанный на социальной рекламе *PPS for Professionals*. В нем женщинам предлагается размещать в социальных сетях фотографии с подписью, раскрывающей суть их профессиональной деятельности. Подпись строится по одинаковой синтаксической модели — парцелированная конструкция включает два элемента, где базовый компонент — стереотипная характеристика женщины, а парцеллят — название профессии: *«Она хочет, чтобы ты платил за ее кофе. Потому что она бариста»*¹. Семасиологически высказывание оказывается амбивалентным: когда оценочная фраза описывает женщину, она несет отрицательную информацию (*Она вечно придирается к словам*), но при именовании профессии мизогинный смысл теряется, предложение становится гендерно нейтральным и лишь описывает качества работника, причем с мелиоративной коннотацией (*Потому что она редактор*).

Этот флешмоб также работает в двух направлениях — эксплицирует предвзятое отношение к женщинам и одновременно демонстрирует статус женщин и их включенность в профессиональную среду, обеспечивая возможность заявить о своей компетентности и, что важно, используя собственные знаковые единицы. Например, некоторые участницы использовали феминитивы при описании своей деятельности (*«Она вечно звонит, чтобы объяснить, в чем ты не прав на этот раз. Потому что она онлайн-репетиторка»*), подчеркивая тем самым идейную поддержку движения феминизма.

Помимо личной и профессиональной сфер, тема стереотипов тесно связана с культурой насилия². С одной стороны, патриархальные гендерные установки («мужчина — хозяин, женщина — вещь») оправдывают применение насилия в определенных случаях, с другой же, сами «насильственные практики» могут являться источником стереотипов. Поскольку вопросы насилия лежат в правовом поле, нередко для их решения требуется привлечение правозащитных организаций. Соответственно, инициаторами киберактивистской деятельности здесь являются профильные организации — фонды помощи или кризисные центры (безусловно, не все из них придерживаются идеологии феминизма³, но для боль-

шинства из них фем-принципы являются смыслообразующим звеном).

Чрезвычайно важно, что формы киберактивизма, транслирующие проблематику насилия, направлены на изменение не только и не столько институционального порядка, сколько образа мыслей адресата, его отношения к акту насилия. С этой целью организации проводят информационные кампании, материалы которых публикуются в социальных сетях в формате карточек⁴. Так, сеть взаимопомощи женщин «ТыНеОдна» (<https://tineodna.ru/>) регулярно размещает карточки следующей тематики:

- результаты научных исследований (*«Экономика и супружеское насилие»*, *«Отчет по результатам исследования: жизнь и положение женщин на Северном Кавказе»*);
- подборка справочной литературы (*«Книги про женскую телесность»*, *«Книги о прекрасной и здоровой любви»*);
- биографии известных женщин (*«Выдающиеся женщины в истории фотографии»*, *«Художницы эпохи Возрождения»*);
- материалы из области психологии (*«Что такое обесценивание?»*, *«Токсичное поведение родителей»*);
- практические советы (*«Как распознать тревогу?»*, *«Что делать, если у вашего ребенка появилась апатия?»*);
- полезные ссылки, адреса, сервисы (*«Список феминистских подкастов»*, *«Адреса женских кризисных центров в Сибири и на Дальнем Востоке»*) и др.⁵

Отметим, что информирование происходит исключительно путем перечисления фактов со ссылкой на мнение экспертов: авторы карточек не используют оценочной лексики, а материалы из блока практических советов построены в императивной форме, но без констатации долженствования (*не принимайте злость на свой счет вместо вы не должны принимать злость на свой счет*). Эта особенность заимствована из терапевтического дискурса: сообщество должно не только помочь справиться с проблемой, но и создать комфортную, безопасную среду для своих участников.

«ТыНеОдна» оказывает помощь женщинам, столкнувшимся с домашним насилием, однако целевая аудитория проекта в социальных сетях гораздо шире. Материалы адресуются всем, кого может заинтересовать подобная тематика (в основном это молодые женщины): например, в паблике проекта в сети ВК (https://vk.com/tineodna_ru) женщины составляют 95,5% подписчиков, из них 66,4% младше 35 лет.

¹ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация.

² Термин, использующийся феминистками для описания такого общественного устройства, в котором насилие над женщинами нормализуется.

³ Например, женский кризисный центр «Китеж» и фонд Андрея Первозванного поддерживают традиционные семейные ценности и имеют явно выраженную религиозную направленность.

⁴ Подвид инфографики, в котором информация представлена в сегментированном виде, как правило, в вопросно-ответной форме.

⁵ См., например: https://vk.com/tineodna_ru?w=wall-185986664_819; https://vk.com/tineodna_ru?w=wall-185986664_691.

Подобная статистика не является особенностью конкретного сообщества — феминистский дискурс в целом строится по модели «женщины — женщинам», поэтому в составе участников наблюдается явный гендерный «перекосяк».

В тематической линии борьбы с гендерными стереотипами особый смысл приобретает базисный программный элемент фем-киберактивизма — конструирование и утверждение женской идентичности, индивидуальность женского опыта. Не случайно феминизм «четвертой волны» уделяет проблеме маргинализации женщин в обществе наибольшее внимание, а также выступает за максимально широкое представительство любых меньшинств в общественной и политической жизни. Этот подход основан на интерсекциональности: угнетение может принимать разные формы, а идентичности — гендерная, национальная, религиозная — пересекаются. Из этого следует, что опыт каждого индивида уникален и обязательно должен быть эксплицирован, так как подобный акт «проговаривания», «называния» и «именования» является способом политического заявления.

В этой связи (с точки зрения подхода к утверждению женской субъектности) значительный интерес представляет феминистский сегмент *блогосферы*, поскольку жанр блога или паблика¹ реализует одновременно две функции: информативную (что важно для активистской деятельности как таковой) и фатическую (собственно для конструирования идентичности). Исходя из названных функций, контент феминистских блогов можно разделить на два типа: 1) к «информативному» относятся новости, связанные с фем-повесткой, ссылки на резонансные публикации и научные исследования; 2) к «фатическому» — критическая и эмоциональная рефлексия. Подписчики могут оставлять комментарии и *emoji*-реакции, что привносит элемент публичной дискуссии.

Большинство текстов в фем-пабликах носит полемический характер, выражающийся в резкой критике устоявшихся убеждений: «*Чего бы нам еще сексуализировать??*»; «*...все аспекты жизни деформированы, испорчены и помечены патриархатом*»; «*...возить тряпкой по полу или резать морковь — это не наука века*» — с целью формирования новой картины мира,

соответствующей идеологии феминизма: «*Думать надо прежде всего о себе <...> И только потом о каком угодно мужчине*»; «*...ежедневная рутина домработницы <...> это не привилегия. Это рабство*» и т.п. (<https://vk.com/wrongfem>; https://t.me/feminizm_power). Подобная дихотомия («свой-чужой») вообще свойственна политическому дискурсу в силу его аксиологической маркированности, в данном же случае понятия «свой» и «чужой» транслируются через гендерную оппозицию «положительный женский образ — отрицательный мужской образ», что в результате определяет как интегративность / дезинтегративность (соответственно) общего вектора дискуссии, так и тактико-стратегические предпочтения авторов феминистских блогов [1].

Фем-активистки редко обращаются к своим оппонентам напрямую, но даже опосредованное взаимодействие связано с реализацией ряда манипулятивных и конфронтационных тактик, в числе которых:

- «наклеивание ярлыков» («*...мы начинаем понимать, что что-то в корне не так с мужчинами. Что они мизогинисты, насильники, убийцы*»);
- генерализация («*Что характерно — у всех, абсолютно у всех этих прекрасных рыцарей были какие-то совершенно нерешаемые проблемы с тем, чтобы пойти со мной на компромисс*»);
- прямое оскорбление («*Типичное мужло в очередной раз показывает свою сущность*»);
- иронический модус («*Если следовать логике патриархата, что мужчина — это добытчик, то ему выгодно жить с женщиной, они оба добытчик, а значит больше добудут*»);
- нагнетание эмоционального напряжения («*Большинство женщин не пробуждается от этого <...> Они обманывают собственные глаза. Они следуют указке мужчин, которые пытаются переписать нашу женскую реальность. Они умирают слепыми*»);
- тактика контраста («*Почему-то в нашем обществе стыдно быть обиженной, а обижать не стыдно*») и т.п. (https://t.me/feminism_visually_official).

Названные коммуникативные тактики наряду с высмеиванием и принижением оппонента создают у реципиента эмоциональное напряжение, даже фрустрацию, обусловленную невозможностью разрешения проблемы, что должно привлечь на сторону адресанта, а в дальнейшем мотивировать на действие. Как правило, столь агрессивная риторика свойственна фем-ресурсам радикального направления: это можно рассматривать как способ борьбы с общественным запретом на проявление женщинами отрицательных эмоций («не злись, ты же девочка», «женские слезы — это манипуляция» и т.д.), поэтому эмоциональная

¹ Жанр паблика можно определить как публичную страницу с тематическим контентом, основной целью которого является донесение информации до целевой аудитории. От личного блога он отличается авторской принадлежностью: контент паблика не обязательно создается его владельцем, этим может заниматься коллектив сторонних авторов, иногда на условиях анонимности. Приведенные нами примеры являются компонентами фем-пабликов, где авторы выполняют функции администрирования, что дает нам возможность использовать понятия «блог» и «паблик» как эквивалентные.

окрашенность феминистских высказываний — попытка «вернуть себе право злиться».

Вместе с тем считать фем-практики «чисто манипулятивными», конечно, нельзя. Интегративная направленность реализуется путем корректного и детализированного аргументирования (в информационных постах) и ряда кооперативных тактик: призывы к объединению (*«Научите девочек говорить, а не бояться»*), специфичные обращения (*сестры, подруги, девы*), тактика включения (*«Мы все имеем право и можем отказаться от непосильной ноши»*) и пр. При этом феминистские блоги всегда имеют гипертекстовый характер, позволяющий ссылаться на многочисленные источники, что делает аргументацию более весомой:

- прецедентные феминистские тексты (*«Как отмечает Наоми Вулф, автор книги “Миф о красоте” (The Beauty Myth), интересно, что стройность и диеты стали главной заботой женщин приблизительно в 1920-м году...»*);
- ссылки на авторитеты (*«Депутат Оксана Пушкина считает недостоверными данные чиновников об успехах в борьбе с домашним насилием»*);
- научные исследования (*«Исследование Т. Трейт на более чем 200 мужчинах в университете Айовы (2015) показали, <...> что мужчины могут игнорировать мимику и позу женщины, если та обладает привлекательной внешностью или сексуально одета»*);
- официальная статистика (*«Женщины совершают меньше преступлений: по данным 2017 года, лишь 8% российских заключенных — женщины»*);
- данные социологических исследований (*«В мае были опубликованы результаты опроса о предпочитаемых россиянами формах досуга: 33% мужчин любят смотреть телевизор, <...> в то время как 33% женщин тратят свободное время на приготовление еды»*) и т.п. (<https://t.me/nikonovaonline2>).

Однако наиболее интересным, с нашей точки зрения, оказывается явная конвергентность интегративных и дезинтегративных стратегий: умелое аргументирование обеспечивает доверие аудитории (особенно той части женской группы, которая не принадлежит к фем-движению, но социальную проблематику в этом отношении поддерживает), а манипулятивные тактики настраивают на необходимое эмоциональное состояние — разочарование, гнев, сочувствие и пр., обеспечивающее «нерефлексируемое принятие» изложенной позиции: *«Они¹ не в кур-*

се, что при разводе делится ВСЁ совместно нажитое, а не избирательно у мужиков всё отбирают. Они не в курсе, что задолженность по алиментам 152 миллиарда, а средние выплаты составляют около 1600 рублей. Проверить информацию или хотя бы подумать головой — это не про них. Гораздо легче проникнуться сочувствием к воображаемым страдальцам и ненавистью к коварным меркантильным бабам. И ряды мудят плодятся» (<https://vk.com/wrongfem>).

Даже столь незначительный по объему фрагмент блога позволяет незатруднительно выделить следующие лингвопрагматические приемы:

- оперирование фактами (описана процедура развода, названы официальные цифры статистики по алиментам в России);
- эмоциональное нагнетание путем «наложения» различных стилистических фигур (анафоры, синтаксического параллелизма, градации, антитезы, эллипса, инверсии, парцелляции);
- реклейминг и генерализация (*коварным меркантильным бабам*);
- диффамация оппонента (*они не в курсе; у мужиков все отбирают; хотя бы подумать головой; это не про них; воображаемым страдальцам*);
- прямое оскорбление (*ряды мудят плодятся*) и др.

Очевидно, что адресант провоцирует и «программирует» аудиторию на отрицательные эмоции — возмущение, отторжение, гнев, возможно, ненависть по отношению к мужчинам, и здесь же легитимизирует полученные эмоции фактологической базой. Дальнейшее повторение данной тематической линии закрепляет полученный эффект, постепенно трансформируясь в некий гештальт, и необходимый эмоциональный фон возникает даже при отсутствии какой-либо аргументации. Соответственно, можно утверждать, что коммуникативный инструментарий фем-киберактивизма сегодня включает в себя семиологически разнообразные формы и методы трансляции ценностных констант фем-движения, в совокупности обеспечивающие реализацию основной цели — закрепление и расширение феминистской идеологии в русскоязычном пространстве.

Заключение

Центральным вопросом современного фем-киберактивизма является гендерная дифференциация, при этом ведущим мотивом оказывается женская

¹ Употребление местоимения они с пейоративной коннотацией, демонстрирующей явное нежелание каким-либо образом именовать

представителей мужского пола, заслуживает, с нашей точки зрения, отдельного исследования как в ракурсе лингвопрагматики, так и в ракурсе психолингвистики и когнитологии.

субъектность — место женщины в дискурсивных практиках различных социальных групп. Рефлексия женской идентичности становится смыслообразующей единицей для любых феминистских текстов (нередко в ее крайних формах, когда отрицаются какие бы то ни было различия и выдвигаются требования абсолютного равенства и полной симметрии в отношениях между полами), что делает феминистский дискурс особой разновидностью институционального дискурса, представляющего собой альтернативную картину мира, основанную на базе женского опыта и преобразованную с помощью средств языка, а фем-киберактивизм — чрезвычайно значимым социальным явлением.

Вместе с тем в настоящее время нет свидетельств того, что описанные коммуникативные события и фем-киберактивизм в целом могут привести к значительным институциональным изменениям, од-

нако актуализация принципов феминизма и расширение аудитории, включающейся в идеологическое / политическое движение, налицо: даже информационные кампании (которые обычно не несут эмоционального заряда) приводят к активным действиям — массовым репостам (т.е. распространению информации) и добровольным пожертвованиям в пользу различных фем-организаций. Бесспорно, активизм в социальных сетях не может полноценно заменить внесетевые формы гражданского участия, но уже сам факт вовлечения в процесс киберактивизма (особенно представителей молодого поколения, где данный феномен находит наибольший отклик) напрямую влияет как на содержательную организацию интернет-контента и его языковую и семиотическую вариативность, так и на аксиологические позиции всего лингвокультурного универсума.

Литература

1. *Боженкова Н.А.* Современный политический дискурс: вербальная экзemplификация тактико-стратегических предпочтений [Текст] / Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова, А.М. Боженкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 255–284.
2. *Бродовская Е.В.* Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал [Текст] / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). — 2020. — № 4. — URL: www.evsnik-mgou.ru (дата обращения: 18.03.2022).
3. *Дубровская Т.В.* Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса [Текст] / Т.В. Дубровская // Жанры речи. — 2017. — № 1. — С. 111–117.
4. *Изаак С.И.* Политические коммуникации в информационном обществе [Текст] / С.И. Изаак // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2017. — № 5. — С. 22–25. — DOI: https://doi.org/10.12737/article_59acfcdd419118.03505557 (дата обращения: 20.04.2022).
5. *Каверина Е.А.* Развитие феминистского дискурса в цифровых медиа (опыт России и США) [Текст] / Е.А. Каверина, Э. Декич // Медиаальманах. — 2020. — № 4. — С. 26–36.
6. *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах [Текст] / Р.В. Парма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 6. — С. 145–170.
7. *Пикула Н.Н.* Интерактивные коммуникации и политическое сознание [Электронный ресурс] / Н.Н. Пикула // Studia Humanitatis. Рубрика «Политология». — 2015. — № 2. — URL: <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pikula.pdf> (дата обращения: 17.03.2022).
8. *Походня А.В.* Подходы к исследованию возможностей и эффектов онлайн-активизма как части политической коммуникации [Текст] / А.В. Походня // Южно-российский журнал социальных наук. — 2020. — Т. 21. — № 3. — С. 37–46.
9. *Савельева И.В.* Непрофессиональный политический дискурс: интенциональный аспект (на материале интернет-комментариев к политическим новостям) [Текст] / И.В. Савельева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2020. — № 4. —

- С. 83–90. — DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-83-90> (дата обращения: 20.04.2022).
10. *Ушкин С.Г.* Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение [Текст] / С.Г. Ушкин // Власть. — 2015. — Т. 22. — № 8. — С. 138–142.
11. *Чукуров А.Ю.* Гендерная идентичность в контексте феминистской критики и квин-теории [Текст] / А.Ю. Чукуров // Вестник психофизиологии. — 2016. — № 3. — С. 23–29.
12. *Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R.* Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism // Journal of Diversity in Higher Education. 2017. Vol. 10. Pp. 400–415.
13. *Druke R., Zobl E.* Online feminist protest against sexism: the German-language hashtag #aufschrei // Feminist Media Studies. 2016. No. 16 (1). Pp. 35–54.
14. *Geisler C.* The Voices of #MeToo: from grassroots activism to a viral roar // International Communication Association — Prague, 2018.
15. *Loney-Howes R.* Beyond the spectacle of suffering: representations of rape in online anti-rape activism // Outskirts: Feminism along the Edge. 2015. No. 33. Pp. 1–17.
16. *Mendes K., Ringrose J., Keller J.* Digital feminist activism: girls and women fight back against rape culture // Oxford: Oxford University Press, 2019.
17. *Ringrose J.* Digital Feminist Activism: #MeToo and the everyday experiences of challenging rape culture, 2019. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-15213-0> (дата обращения: 20.03.2022).
18. *Shaw F.* (2012) "Hottest 100 Women": Cross-platform discursive activism in feminist blogging networks // Australia Feminist Studies. No. 27. P. 373–387.

References

1. Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova N.A. Sovremennyy politicheskiy diskurs: verbal'naya ekzemplifikatsiya taktiko-strategicheskikh predpochteniy [Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching]. 2017, V. 15, I. 3, pp. 255–284.
2. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.YU., Karzubov D.N. Tsifrovye soobshchestva grazhdanskikh i politicheskikh aktivistov v Rossii: integrirovannost', upravlenie i mobilizatsionnyy potential [Digital communities of civil and political activists in Russia: integratedness, management and mobilization potential].

- integration, governance and mobilization potential]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)] 2020, I. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed 18 March 2022).
3. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism // *Journal of Diversity in Higher Education*. 2017. Vol. 10. P. 400–415.
4. Chukurov A.Y. Politicheskie kommunikatsii v informatsionnom obshchestve [Gender Identity in the Context of Feminist Criticism and Queer Theory]. *Vestnik psihofiziologii* [Psychophysiology news]. 2016, I. 3, pp. 23–29.
5. Druke R., Zobl E. Online feminist protest against sexism: the German-language hashtag #aufschrei // *Feminist Media Studies*, 2016, 16 (1), pp. 35–54.
6. Dubrovskaya T.V. Online Petition as a Genre in the Context of Feminist Discourse // *Zhany rechy*, 2017, I. 1, pp. 111–117.
7. Geisler C. The Voices of #MeToo: from grassroots activism to a viral roar // *International Communication Association — Prague*, 2018.
8. Izaak S.I. Podkhody k issledovaniyu vozmozhnostey i effektiv onlayn-aktivizma kak chasti politicheskoy kommunikatsii [Political communications in the information society]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2017, V. 6, I. 5, pp. 22–25.
9. Kaverina E.A., Dekich E. The development of feminist discourse in digital media (the experience of Russia and the USA) // *Mediaalmanah*, 2020, 4, pp. 26–36.
10. Loney-Howes R. Beyond the spectacle of suffering: representations of rape in online anti-rape activism // *Outskirts: Feminism along the Edge*, 2015, 33, pp. 1–17.
11. Mendes K., Ringrose J., Keller J. Digital feminist activism: girls and women fight back against rape culture // Oxford: Oxford University Press, 2019.
12. Parma R.V. Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2021, I. 6, pp. 145–170.
13. Pikula N.N. Interactive communication and political consciousness [electronic resource] / N.N. Pikula // *StudiaHumanitatis. Rubrika «Politologiya»* [Heading “Political science”]. 2015. I. 2. URL: <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pikula.pdf> (accessed 17 March 2022).
14. Pokhodnya A.V. Approaches to the study of the possibilities and effects of online activism as part of political communication. *Yrzhno-rossiyskiy zhurnal socialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. 2020, V. 21, I. 3, pp. 37–46.
15. Ringrose J. Digital Feminist Activism: #MeToo and the everyday experiences of challenging rape culture, 2019. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-15213-0> (accessed 20 March 2022).
16. Savel'eva S.V. Non-professional political discourse: an intentional aspect (case study of internet comments to political news) // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2015, V. 9, I. 4, pp. 83–90.
17. Shaw F. (2012) “Hottest 100 Women”: Cross-platform discursive activism in feminist blogging networks // *Australia Feminist Studies*, 27(74), pp. 373–387.
18. Ushkin S.G. Participation of social network users in the protest movement // *Vlast'*. 2015, V. 22, I. 8, pp. 138–142.